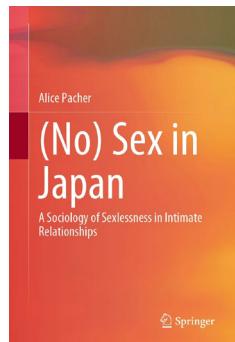

Е. С. Белявская

«Белый брак» по-японски¹

Рецензия на книгу: Pacher A. 2022. *(No) Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships*. Cham: Springer. 209 pp.

БЕЛЯВСКАЯ Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, эксперт Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: belyavskaya.e@yandex.ru

Сознательно неконсуммированный союз, в котором супруги отказываются от сексуальной жизни, исторически называют белым браком. В рецензии на книгу Элис Пэчер «В Японии секса нет. Социология асексуальности в интимных отношениях» [Pacher 2022] рассматривается феномен супружеской асексуальности, проблематизирующий многообразие современных социальных представлений о связи брака и сексуальности. На основе сравнительного социологического анализа нарративов японских и немецких пар об их сексуальных отношениях книга демонстрирует, что интимность — не универсальное свойство брака, а социокультурный конструкт, в котором секс между супругами оказывается производной от социально-экономических и культурных динамик.

Рецензия показывает, как общее нездоровье, экономическая нестабильность, усталость от работы, изменения семейной модели, родительско-центрическая структура японской семьи и успехи индустрии коммерческого секса ведут к снижению сексуального влечения и отказу от интимных отношений в браке. Японские респонденты связывают секс с репродуктивным долгом, а не с эмоциональной близостью; их эротическое влечение вытесняется во внебрачные связи и коммерческий секс. У немецких респондентов Э. Пэчер установки японцев в отношении сексуального поведения вызывают отторжение и подозрение в культурной неразумности. В основе европейской модели романтического сексуального союза пока ещё лежит углубление сексуальной близости между партнёрами, что придаёт этой форме социальной организации рекреационный и даже духовный смысл.

Особое внимание в рецензии уделяется методологическим вызовам межкультурного сравнения асексуальности — отсутствию единого определения сексуальной активности, языковым дефицитам в артикуляции сексуального опыта, нормативному давлению, скрытому в евроцентрических теориях. Рецензия предостерегает от экзотизации японского кейса, приглашая исследователей семьи, супружества, интимности и пронатализма к большей рефлексивности собственных аналитических категорий.

Ключевые слова: исследования сексуальности; сексуальное здоровье; сексуальное благополучие; брак; интимность; изменения; рынок.

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение: многообразие культурных режимов интимности

То, какое место секс занимает в отношениях между супругами, не только биологическая данность, но и отражение экономических условий, социальных структур и культурного давления.

«Пожалуйста, только не секс, мы из Японии» — дискурсивная формула, которую выводит социолог Элис Пэчер в книге «(No) Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships» («В Японии секса нет. Социология асексуальности в интимных отношениях») [Pacher 2022], чтобы проблематизировать набирающий обороты феномен браков, в которых пара может больше месяца не заниматься сексом и не беспокоиться об этом. В обыденной речи брак без сексуальной жизни, не различая добровольную асексуальность и вынужденную сексуальную депривацию, называют белым браком.

В Японии тема сексуального здоровья получила высокий уровень институционального внимания, что создало уникальные условия для накопления и анализа масштабных эмпирических данных о сексуальных установках и практиках в японском обществе. Изучение сексуальной жизни населения здесь активно поддерживается государственными и профессиональными организациями, включая Японскую ассоциацию планирования семьи (Japan Family Planning Association), Японское общество сексуальной науки, Японскую ассоциацию сексуального образования (Japan Association of Sex Education). Вопросы сексуальной жизни регулярно включаются в крупные национальные исследования, такие как «Национальное исследование рождаемости» и «Национальное исследование сексуального поведения молодёжи», «Сексуальное поведение и установки японцев». Проводится много эмпирических оценок сексуальной жизни отдельных социальных групп («Опрос образа жизни и установок мужчин и женщин», «Сексуальность в среднем и пожилом возрасте», «Белая книга по сексуальности молодёжи»).

Парадоксальным образом высокий уровень институционального интереса к сексу как демографическому ресурсу существует в Японии с его вытеснением из повседневной жизни. С начала 2000-х гг. фиксируется устойчивый рост числа пар детородного возраста, которые не занимаются сексом. При этом 59,1% участников таких союзов заявляют, что не хотят ничего менять.

Тенденция к асексуальности в японском обществе, показанная в исследовании Э. Пэчера, выходит за пределы супружеских отношений, охватывая разные социальные группы, в том числе поколенческие. Молодёжь демонстрирует растущий уровень тревожности в отношении сексуальности: молодые японцы не целуются на свиданиях, избегают физической близости, мастурбируют настолько редко, что у юношей снижается тестостерон, поздно начинают половую жизнь и часто прекращают её полностью после рождения первого ребёнка. Пожилые люди часто полностью утрачивают сексуальную жизнь. Даже находясь в браке, они избегают телесной близости, могут годами не иметь коитусов, не делить постель и даже не держаться за руки. В целом формируется культурный контекст, в котором секс теряет статус обязательного компонента гендерных отношений, а эмоциональная и телесная близость замещается другими формами социальной связи.

Книга «(No) Sex in Japan...» представляет собой сравнительное эмпирическое исследование. В качестве контрольного случая для контрастирования японского общества автор включает полевой материал из Германии. Из восьми глав книги семь посвящены подробному анализу эмпирических данных об интимных отношениях в японских и немецких супружеских парах, а завершающая глава рассматривает особенности медиадискурса о сексе в современной Японии.

В этой рецензии я обозначу ключевые аналитические векторы, сквозные для всего исследования, которые представляют интерес для экономических социологов, исследующих сексуальное здоровье и благополучие, динамику гендерных отношений, в том числе в браке, особенности межпоколенческой

динамики в интимных установках, маркетизацию сексуальности, а также культурные и институциональные условия, влияющие на репродуктивное поведение.

Фундаментальная значимость исследования Пэчера состоит в выдвижении гипотезы о том, что отказ от секса больше не может рассматриваться как девиация, а должен изучаться как манифестация локального культурного порядка.

В то время как в западном дискурсе, продвигаемом, в частности, Всемирной организацией здравоохранения и Международной ассоциацией сексуального здоровья, сексуальное благополучие человека, в том числе его удовлетворённость сексуальной жизнью, считается неотъемлемой составляющей общего здоровья и качества жизни, в японском обществе происходит осмысление того, что сексуальные отношения больше не являются необходимым элементом супружества. Описанный Пэчер кейс Японии радикально проблематизирует западные универсалистские подходы к супружеской близости. Он показывает, что сексуальность в браке не обязательно усиливает интимность и не всегда воспринимается как желаемая часть семейной жизни. Это открывает поле для пересмотра теоретических оснований исследований интимности, ставит под сомнение нормативные установки о сексе в современном браке, доминирующие в западной исследовательской мысли, и подталкивает к признанию культурного многообразия режимов интимности.

Асексуальность в браке как новая норма: японский контекст

Общественное внимание к феномену асексуальных браков (*sexless marriage*) усилилось после публикации в 2005 г. международного исследования компании Durex, согласно которому Япония оказалась на последних позициях по частоте половых актов и уровню сексуального удовлетворения. Эти данные вызвали широкий резонанс в японских медиа и стали поводом для бурных общественных дискуссий. Социальные науки, подключившиеся к изучению темы, показали, что обвальное снижение сексуальной активности в японском обществе объясняется целым рядом факторов, таких как экономическая уязвимость, проблемы сексуального здоровья, детоцентричность семейной структуры и традиции родительства. При этом острый кризис супружеской близости компенсируется лёгкой доступностью коммерческих сексуальных услуг, что ещё больше подрывает традиционные формы интимной жизни. Пэчер приводит разнообразные данные, раскрывающие механику асексуализации. Не лишая читателей интриги, я просто обозначу некоторые опорные элементы этой механики.

Экономика и либидо

Экономическая нестабильность (низкий доход, нерегулярная занятость, бедность) играет важную роль в деэротизации гендерных отношений. Японский случай особенно ярко иллюстрирует связь между уровнем дохода, условиями жизни и сексуальной активностью в браке.

Пэчер показывает, что у людей с низким доходом значительно выше вероятность оказаться в асексуальных отношениях. При финансовой уязвимости и нестабильной занятости приоритетом становится выживание, а не романтика, свидания или интимная близость. Отношения и секс отступают на второй план.

Существенное влияние оказывают и жилищные условия: в маленьких квартирах с тонкими стенами и отсутствием уединения от детей сложно создать пространство для интимности. Таким образом, экономическая уязвимость влияет не только на общий уровень жизни, но и на сексуальное взаимодействие между супругами.

С конца 1980-х гг. трансформация семейной модели — от паттерна «муж-кормилец и жена-домохозяйка» к модели двойного дохода, когда работают оба супруга, то есть томобатараки — значительно изменила динамику супружеских отношений в Японии. К 2014 г. модель с двумя работающими супругами стала нормой. Однако стремление сбалансировать работу и личную жизнь на практике обернулось ростом хронической усталости и снижением сексуальной активности. Журнальные публикации и опросы сначала фиксировали рост асексуальности именно в таких парах. Сексуальность начала восприниматься как необязательный элемент брака, уступая место работе, карьерным амбициям и выгоранию, которое становится хроническим у обоих полов. Сексуальная жизнь в таких парах теряет эмоциональную ценность: партнёры не только физически измотаны, но и психологически перегружены.

Таким образом, трансформация семейной экономики и рост трудовой нагрузки напрямую сказываются на снижении частоты и значимости сексуальных контактов в японских браках. Под давлением экономики секс в Японии превращается в то, на что «не остаётся сил». В культуре прорастает установка, что интимные супружеские отношения — это бремя. В японском языке это отражается в использовании слова мэндукусай (*mendokusai*), которое применяется японцами в ситуациях, когда необходимо сделать что-то нежелательное или требующее мобилизации ресурсов (например, стирка). Употребление этого слова по отношению к сексу говорит не столько о его отсутствии, сколько о смене ценностного отношения к нему: проще отказаться от секса, чем в него вкладываться.

Супружеский секс и сексуальное здоровье нации

Первоначально национальные гранты на изучение сексуального поведения в японских парах направлялись преимущественно в сферу медицины. Врачи и клиницисты фиксировали асексуальность как нарастающую клиническую проблему, связывая её с широко распространённой эректильной дисфункцией у мужчин, вагинизмом у женщин, расстройствами сексуального влечения и сексуальной аверсией у обоих полов. Главный акцент при этом делался на репродуктивную функцию секса: эрекция в период овуляции рассматривалась как задача медицинского вмешательства, вне зависимости от сексуального желания партнёров. Доминировал медикализированный подход к сексуальной жизни, что сказывалось на культурных интерпретациях сексуальных практик. Например, трудности с эякуляцией во влагалище — что критически важно для зачатия — связывались в первую очередь с некорректными практиками мастурбации, затрудняющими телесный контакт с партнёром.

С тех пор медицинская статистика продолжает фиксировать, что до 40% японских мужчин и женщин испытывают боль при половом акте, особенно после рождения первого ребёнка, что нередко приводит к полному прекращению сексуальной жизни в браке. Несмотря на сохраняющуюся тенденцию рассматривать сексуальность медикализированно, в японском обществе так и не сложилась практика обращения за помощью для преодоления этой проблемы.

Японская модель родительства как фактор супружеской асексуальности

В японской культуре структура семьи ориентирована не на супружескую пару, а на ребёнка. Родительство является главной осью семейной идентичности, а сексуальность супружеских, скорее, вытесняется. Пэчер объясняет, что исследования любви, семьи и отношений в Японии преимущественно сосредоточены на связи между матерью и ребёнком, в то время как тема супружеской сексуальности оказывается на периферии [Pacher 2019: 46].

Пронаталистское давление в японском обществе остаётся крайне высоким и легитимным. Многие пары сталкиваются с побочными эффектами гормональной терапии бесплодия, которая приводит к снижению либидо у обоих партнёров. Дополнительное напряжение создают расширенные семьи: мо-

людые пары нередко жалуются, что родители с обеих сторон считают допустимым вмешиваться в их интимную жизнь, навязчиво контролируя репродуктивные решения. Это часто приводит к снижению сексуального желания и усилению дистанции между партнёрами.

Респонденты в исследовании Пэчер напрямую связывают сексуальные отношения с деторождением, а не с углублением интимности между партнёрами.

Рождение ребёнка в японской семье зачастую воспринимается как естественное завершение супружеской сексуальности, что проявляется и в организации семейной повседневности. Например, распространена практика совместного сна матери с младенцем, которая усиливает детско-родительскую связь, но вытесняет партнёрскую близость. После рождения ребёнка происходит сдвиг в самоидентификации: партнёры начинают воспринимать друг друга не как «муж» и «жена», а как «отец» и «мать». Женщины, особенно в первые годы после родов, часто отказываются от сексуальной близости, объясняя это как эмоциональным выгоранием, так и невозможностью настроиться на интимность при постоянном присутствии ребёнка.

Ситуацию усугубляет культурная практика, согласно которой женщина уезжает рожать в дом родителей. Это откладывает формирование отцовской идентичности у мужчин. Вернувшись к совместной жизни, мужчина сталкивается с образом «умелой матери» и перестаёт воспринимать супругу в эротическом ключе.

В результате формируется устойчивая модель, в которой родительские роли доминируют над супружескими, а сексуальность продолжает вытесняться из брака как лишняя и обременительная. В японском обществе, достигшем зрелой стадии модернизации, дети социализируются в семьях, где между родителями фактически отсутствует телесная и эмоциональная близость, которую раньше обеспечивала их совместная сексуальная жизнь.

На фоне хронической усталости от работы, высокой нагрузки и медицинских трудностей в Японии формируется новая культурная установка в отношении супружеского секса: «секс — это хлопотно». Всё чаще он воспринимается не как источник удовольствия и близости, а как обременяющее, нежелательное действие, требующее усилий. Такая установка — не индивидуальная девиация, а всё более нормализуемый коллективный паттерн, отражающий структурные трансформации труда, семьи и эмоциональной жизни в современной Японии.

Конфигурации супружеской интимности и секс вне брака

Книга Элис Пэчер убедительно демонстрирует, что интимность — это не универсальное качество супружеских отношений, а культурно обусловленный и исторически изменчивый конструкт. Сравнение Японии и Германии, положенное в основу исследования, позволяет выявить принципиальные различия в том, как сексуальность вплетена в социокультурные представления об интимной близости между людьми, в том числе в браке.

На данных глубинных интервью Пэчер показывает, что в немецкоязычном контексте интимность понимается как *Gemeinschaft* — символическое и физическое пространство для двоих. Сексуальные отношения рассматриваются как ритуальная практика, укрепляющая эмоциональную связь между партнёрами, источник удовольствия, смысла и самоподтверждения. Респонденты из Германии подчёркивают важность добровольности, признания и доверия. Интимность в немецкой модели тесно связана с индивидуальной сексуальной идентичностью, личным правом на удовольствие и необходимостью открытой этической коммуникации внутри пары, стремящейся к взаимности.

Японская модель супружеской интимности устроена иначе. Здесь сексуальность часто отождествляется с выполнением социальных и репродуктивных ролей, а не с личной идентичностью и эмоциональной близостью. В этой логике секс воспринимается не как выражение желания, а как социальная функция. После рождения ребёнка супружеская интимность в Японии всё чаще сводится к родительству и совместной заботе, тогда как эротизм вытесняется за пределы брака — в порнографию, внебрачные связи и коммерческие формы сексуальности.

Япония сталкивается с расщеплением между институциональной и эмоциональной жизнью. Семья и сексуальность превращаются во враждующие миры. Секс в браке зачастую трактуется японцами как «негативный долг». Многие респонденты Пэчер ставят секс по значимости ниже других форм совместного досуга. В интервью с японскими жёнами Пэчер прослеживает устойчивый мотив неудовлетворённости и тревоги, связанной с отказом мужей от сексуальной близости под предлогом «я устал». В целом исследовательница фиксирует снижение сексуального интереса мужей к жёнам.

Пэчер ссылается на опросы разных лет, демонстрируя, что в противовес снижению супружеской сексуальности количество внебрачных связей у мужчин и женщин в Японии в возрасте 40–60 лет стабильно росло. Мужчины объясняют это тем, что не могут воспринимать своих жён как сексуальных партнёров после того, как те становятся «идеальными матерями». Эротизм исключается из брака и заменяется «спортивным», механическим сексом, тогда как внебрачные отношения ассоциируются с удовольствием, игрой, разнообразием поз и длительной прелюдией. Внебрачный секс на уровне культуры легитимирован как поиск удовольствия. Через флирт, внебрачные связи мужчины вновь ощущают себя не «мужьями» и «отцами», а просто мужчинами.

Цифровизация, в которой лидирует японское общество, ведёт к устойчивому росту потребления порнографии и взрослого видео, развитию культуры отаку (увлечённость аниме, мангой, видеограмми, айдолами). Цифровые продукты для взрослых способствуют формированию идеализированных представлений о «воображаемом сексе», что затрудняет реальный интимный контакт между партнёрами. Кроме того, реклама сексуальных услуг, сайты знакомств, приложения, социальные сети и даже персональные письма легкодоступны, что способствует выносу сексуальности за пределы партнёрских отношений и разделению сексуальной и семейной сфер. Сексуальность в Японии кардинализируется из брачных в рыночные отношения. Рынок интимных услуг компенсирует дефицит супружеской близости.

Япония занимает одно из ведущих мест в мире по масштабам и разнообразию секс-индустрии. Здесь широко развиты как традиционные формы коммерческого секса (хост-клубы, массажные салоны, эсорт и аренда партнёров), так и виртуальные форматы (онлайн-дейтинг, виртуальные подруги, порно, эротические игры и сервисы на базе ИИ). Секс с профессиональными партнёрами за деньги трактуется японцами как «безопасный», то есть лишённый эмоциональной вовлечённости и не угрожающий семье.

Всё это раскрывает в том числе локальный сценарий индивидуализации сексуальности: японцы переключают внимание с совместного сексуального опыта на личное удовольствие. Секс будто превращается в индивидуальное переживание, вытесняется из супружеской близости и всё реже служит средством связи между партнёрами. Переход от совместности (*sex together*) к соло-сексу (*self-sex*), судя по нарративам, цитируемым Пэчер, становится характерной чертой современной брачной культуры в Японии.

Японская модель демонстрирует, как коммерциализация сексуальности подменяет супружескую близость, не разрушая при этом сам институт брака.

Методологическая рефлексия

Книга Пэчера, основанная на сравнении японской и немецкой сексуальных культур, наводит на глубокие методологические размышления. Материал книги явно свидетельствует, что исследование (а)сексуальности, особенно в кросс-культурных контекстах, сопровождается рядом методологических ловушек, которые требуют особого внимания, вплоть до переосмыслиния привычных аналитических инструментов и категорий.

Прежде всего, не существует консенсуса относительно того, что именно исследователи и их респонденты называют сексом: половой акт, эротические прикосновения, откровенные переписки или что-то иное. Пэчер фиксирует культурно значимые различия в способах говорения о сексе. Интервью с респондентами из немецкоязычных стран длились в среднем 30–40 минут, тогда как японские — 60–90 минут, несмотря на меньшую содержательную насыщенность. Вопрос «Что для вас значит секс?»ставил японцев в тупик; многие никогда не задумывались об этом и затруднялись ответить. Особенно ощутим был гендерный разрыв: японские мужчины выражали тревогу, что разговор звучит «грязно», а женщины — убеждение, что о сексе «не принято говорить». Это подчёркивает, что доступ к смысловой структуре сексуальности требует особой находчивости от исследователя.

Ещё более сложный методологический вопрос при изучении супружеской асексуальности — операционализация асексуальности: при каких условиях мы фиксируем, что секс у пары отсутствует? Исследование Элис Пэчера поднимает эту проблему, предлагая рабочее определение, основанное на медико-психиатрической норме: асексуальной считается пара, в которой сексуальные отношения отсутствуют в течение одного месяца. Этот временной критерий используется в медицинской и психиатрической клинической практике, но сам по себе вызывает дискуссии. Без консенсуса относительно содержания сексуальной активности и временных рамок определения асексуальности исследования рисуютискажать как внутреннюю динамику пар, так и культурные различия. В исследовании самой Пэчера не хватило контрольной группы японских пар, у которых с сексуальностью, по их оценке, «всё в порядке», что смещает оценку общей картины. Современная западная социология интимности всё ещё опирается на ограниченный набор культурных предпосылок, в которых сексуальность автоматически связывается с близостью, а её отсутствие — с дисфункцией. Нехватка языка для описания добровольной асексуальности в браке свидетельствует о том, что альтернативные формы близости, основанные не на сексуальном взаимодействии, а, например, на заботе, партнёрстве или совместной ответственности, остаются вне поля видимости западных аналитических моделей. Японский кейс обнажает эту слепую зону и предлагает возможность расширить наш теоретический арсенал.

Соблазн рассматривать кейс Японии как «особый случай» или культурную аномалию чреват рисками экзотизации и скрытого нормативного империализма в концептуализациях. Проблемы сексуальности, асексуальности или сниженной рождаемости в японском обществе могут восприниматься как отклонения от неявно предполагаемой западной нормы — устойчивой, либидозной, парно-ориентированной модели супружества. Однако такая перспектива обедняет аналитический взгляд и препятствует глубокому пониманию локальной логики интимной жизни. Методологически важно признавать, что нормы сексуальности, представления о близости и теле, равно как и социальные ожидания от брака, укоренены в конкретных исторических и культурных контекстах. Универсализация западных установок — например, идея, что регулярный секс в браке является обязательным условием эмоционального благополучия — не только недостаточно эмпирически подтверждена, но и воспроизводит иерархии знания, в которых западные общества занимают позицию «нормы», а остальные — «отклонения». Сравнительная социологическая оценка требует внимательного диалога с инаковостью, признания множества возможных режимов интимности как равноценных, а не иерархически организованных.

Для социологов представление о супружеской асексуальности как о патологии должно вызывать сомнение и критическую рефлексию. В европейском дискурсе сексуальность часто рассматривается через призму прав человека, удовольствия и самоопределения. И всё же хотя европейская модель сексуального брака на первый взгляд основана на идеях любви, удовольствия и взаимного желания, на деле она производна от неолиберального хозяйствования и релевантной ему модели человека. Западная установка на «секс как искусство жизни» отражает не столько свободу, сколько обязанность современного субъекта непрерывно работать над собой. В этом контексте сексуальность становится проектом, который требует инвестиций — эмоциональных, временных и телесных. Желание рассматривается как ресурс, его нужно выявлять, поддерживать, развивать и умело демонстрировать. Либидо — это уже не просто выражение внутренней энергии, но и элемент эротического, сексуального капитала, подпитывающий креативный труд, укрепляющий эмоциональную устойчивость, способствующий успешному позиционированию как в личной жизни, так и в профессиональной сфере. Поддержание сексуального влечения превращается в задачу самоменеджмента, а интимность подчиняется логике эффективности.

Исследование Пэчера заставляет критически пересматривать универсальность западных представлений о сексуальности как обязательной составляющей полноценной жизни. Если в европейском контексте либидо становится частью экономической и социальной эффективности субъекта, то японский кейс демонстрирует возможность иной модели, в которой отказ от сексуальности может рассматриваться не как дефицит, а как адаптивный выбор, диктуемый экономическими, культурными и институциональными реалиями. Таким образом, методологически феномен супружеской асексуальности в Японии бросает вызов западным основаниям сексуальной нормативности и указывает на необходимость межкультурной чувствительности в исследованиях интимной жизни.

Заключение

Заглавие книги Элис Пэчер — «(No) Sex in Japan» — отсылает к известному телемосту между Ленинградом и Бостоном «Женщины говорят с женщинами» (1986 г.), во время которого была произнесена фраза «В СССР секса нет», ставшая крылатой. Вырванная из контекста (а речь шла о сексе в телерекламе), фраза стала ошибочно восприниматься как диагноз всей советской эротической культуре. Однако реальность была иной: советские женщины, обладавшие экономической независимостью с 1920-х гг., пользовались правом на сексуальное удовольствие и не были вынуждены идти на «телесный компромисс» ради брака и материальной защиты им [Годси 2020]. Советский брак вполне мог быть страстным, а на уровне культурных категорий, прозвучавших на том же телемосте, вообще основывался на любви [Кон 2010; Косова 2017]. В Японии же начала XXI века мы наблюдаем системную эрозию супружеской интимности.

Пэчер осторожно предлагает воспринимать асексуальность как локальную культурную норму, а не как патологию. Однако книга провоцирует на критическое сомнение: не имеем ли мы дело с побочными эффектами неолиберального режима, с его сценариями трудовой эксплуатации и социальной изоляции даже внутри супружеской пары? Статистика, интервью и нарративы об «усталых мужьях», о материах, ночующих в детской, о социальном принятии измен и коммерческого секса с трудом маскируют сексуальное отчуждение, перерастающее в отстранённость от собственного «я».

Главный пробел книги заключается, на мой взгляд, в недостаточном внимании автора к тому, как именно трансформируется супружеская интимность, когда из неё уходит секс. О любви, привязанности, взаимности как движущей силе отношений пары респондентов не спрашивают, и автор это никак не комментирует. Если секс исчезает из брака, а про любовь в цитатах из нарративов ничего нет, на чём тогда держится супружеская связь, кроме родительских обязанностей? Этот вопрос остаётся без ответа.

Рецензируемая книга ценна прежде всего масштабным эмпирическим материалом, но её концептуальная часть и качество интервью выглядят менее убедительно. Однако именно данные Пэчер выводят к нерву проблемы: японское общество сигнализирует о пронаталистской, трудовой и эмоциональной перегрузке субъекта и нуклеарной семьи. Без анализа того, как трансформируются представления о любви и взаимности в японском браке, эмпирическую диагностику нельзя считать полной. Исследователям интимности, включая авторов недавней монографии «Love and Sexuality in Social Theory» («Любовь и сексуальность в социальной теории») [Bevilacqua, Hviid, Mariano 2024], предстоит проверить свои аналитические категории на японском материале и оценить, что происходит с супружеской интимностью без секса, как такой сдвиг меняет человека, институт брака и общество.

Литература

- Годси К. 2020. *Почему у женщин при социализме секс лучше*. М.: Альпина Паблишер.
- Косова Л. 2017. Динамика установок россиян в сфере интимных отношений. *Демографическое обозрение*. 4 (4): 127–149. Электронный ресурс [код доступа]: <https://demreview.hse.ru/article/view/7532/8355> (дата обращения: 1 ноября 2025 г.).
- Кон И. 2010. *Клубничка на берёзке: сексуальная культура в России*. Изд. 3-е. М.: Время.
- Bevilacqua E., Hviid J. M., Mariano L. (eds). 2024. *Love and Sexuality in Social Theory (Classical and Contemporary Social Theory)*. London: Routledge.
- Pacher A. 2022. (No) *Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships*. Cham: Springer.

Elena Beliavskaya

“White Marriage,” Japanese-Style

Book Review: Pacher A. (2022) (*No*) *Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships*, Cham: Springer. 209 pp.

BELIAVSKAIA, Elena —

PhD in Sociology, Expert at the Laboratory for Studies in Economic Sociology (LSES), HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: belyavskaya.e@yandex.ru

Abstract

A consciously unconsummated union in which spouses forgo sexual relations has historically been referred to as a “white marriage.” This review of Alice Pacher’s (*No*) *Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships* (2022) explores the phenomenon of marital asexuality, challenging prevailing Western assumptions about the intrinsic link between marriage and sexuality. Through a comparative sociological analysis of narratives from Japanese and German couples regarding their sexual relationships, the book argues that intimacy is not a universal feature of marriage but rather a socio-cultural construct, where sexual activity between spouses is shaped by broader socio-economic and cultural forces.

The review underscores how economic instability, work-related fatigue, evolving family structures, poor sexual health, the parent-centered nature of the Japanese family, and the prominence of the commercial sex industry collectively contribute to diminished libido and the decline of intimate relations within marriage. Japanese respondents tend to associate sex more with reproductive obligation than with emotional intimacy, with their erotic desires often redirected toward extramarital affairs and commercial sex. According to Pacher, German respondents perceive Japanese attitudes toward sexual behavior with rejection and suspicion of cultural irrationality. At the core of the European model of a romantic sexual union still lies the deepening of sexual intimacy between partners, which provides this form of social organization not only with a recreational but also a spiritual meaning.

Particular emphasis is placed on the methodological challenges inherent in cross-cultural studies of asexuality, including the lack of a standardized definition of sexual activity, linguistic limitations in expressing sexual experiences, and normative biases embedded in Eurocentric theoretical frameworks. The review warns against exoticizing the Japanese context and calls on scholars of family, marriage, intimacy, and pronatalism to adopt a more reflexive approach to their analytical categories.

Keywords: sexuality research; sexual health; sexual well-being; marriage; intimacy; infidelity; market.

Acknowledgements

This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

References

- Bevilacqua E., Hviid J. M., Mariano L. (eds.). (2024) *Love and Sexuality in Social Theory* (Classical and Contemporary Social Theory), London: Routledge.
- Ghodsee K. (2020) *Pochemu u zhenshchin pri sotsializme seks luchshe* [Why Women Have Better Sex under Socialism], Moscow: Al'pina Publisher (in Russian).

Kon I. (2010) *Klubnichka na berezke: Seksualnaya kultura v Rossii* [Strawberries on the Birch Tree: Sexual Culture in Russia], 3rd edn., Moscow: Vremya (in Russian).

Kosova L. (2017) Dinamika ustanovok rossiyan v sphere intimnykh otnosheniy [Dynamics of Russians' Attitudes in the Sphere of Intimate Relations]. *The Demographic Review = Demograficheskoe obozrenie*, vol. 4, no 4, pp. 127–149 Available at: <https://demreview.hse.ru/article/view/7532/8355> (accessed 1 November 2025) (in Russian).

Pacher A. (2022) (No) *Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships*, Cham: Springer.

Received: May 26, 2025

Citation: Beliavskaya E. (2025) «Belyy brak» po-yaponski [“White Marriage,” Japanese-Style. Book Review: Pacher A. (2022) (No) *Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships*, Cham: Springer]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 5, pp. 123–133. doi: [10.17323/1726-3247-2025-5-123-133](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-5-123-133) (in Russian).